Дарчиев Анзор Валерьевич

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ У ОСЕТИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается история изучения вопроса о появлении огнестрельного оружия в комплексе вооружения осетин. Историографический анализ показывает, что версия об использовании осетинами огнестрельного оружия уже в XIV-XV вв. не имеет надёжного подтверждения в источниках. Более обоснованным представляется мнение исследователей, относящих первое знакомство осетин с огнестрельным оружием к рубежу XV-XVI вв., а его широкое распространение, повлиявшее на башенную архитектуру Осетии, - к XVI-XVII вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-68. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(=221.18):623.441; 930(470)
Исторические науки и археология

В статье рассматривается история изучения вопроса о появлении огнестрельного оружия в комплексе вооружения осетин. Историографический анализ показывает, что версия об использовании осетинами огнестрельного оружия уже в XIV-XV вв. не имеет надѐжного подтверждения в источниках. Более обоснованным представляется мнение исследователей, относящих первое знакомство осетин с огнестрельным оружием к рубежу XV-XVI вв., а его широкое распространение, повлиявшее на башенную архитектуру Осетии, – к XVI-XVII вв.

Ключевые слова и фразы: осетины; огнестрельное оружие; боевые башни; ружейные бойницы; ружьѐ; историография.

Дарчиев Анзор Валерьевич, к.и.н.
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
dar-anzor@yandex.ru

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ У ОСЕТИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ©

В традиционном осетинском обществе (конец XVIII – начало XX в.) оружие являлось важнейшей частью материальной культуры. Суровые реалии горской жизни заставляли вооружаться и быть готовым отразить нападение даже при выполнении сугубо мирных работ: косьбы, выпаса скота и т.д. Оружие стало частью национального костюма кавказских горцев, оставаясь таковым вплоть до начала XX в. [17, с. 58]. Неудивительно поэтому, что оружие, особенно огнестрельное, ценилось очень высоко. Ружьѐ могло входить в состав калыма за невесту, а также выкупа, выплачиваемого виновной стороной во время примирения кровников [12, с. 62; 13]. В отношении к оружию отразились и традиционные гендерные стереотипы: изготовление и использование оружия являлись мужской прерогативой, и даже простой уход за ним не входил в число женских обязанностей [14; 15; 16].

В силу сказанного подробное освещение всех вопросов, связанных с огнестрельным оружием, представляется весьма актуальной задачей в изучении истории и этнографии осетинского народа. В указанном круге вопросов наиболее сложным является определение времени появления огнестрельного оружия у горцев Северного Кавказа, в частности у осетин.

Насколько нам известно, одним из первых на данный вопрос попытался ответить российский учѐный-правовед XIX в. В. Б. Пфаф. Исследователь обратил внимание на тот факт, что, согласно преданиям, первопредок дигорских феодалов по имени Бадел прибыл в Дигорию с огнестрельным оружием. «Следовательно, – опишет В. Б. Пфаф, – Бадилаты ни в каком случае не древнее XVI в., так как на Кавказе, судя по отверстиям башен, огнестрельное оружие едва ли было известно раньше этого времени» [31, с. 85]. Таким образом, для определения времени появления огнестрельного оружия на Кавказе Пфаф первым использовал данные башенной архитектуры. При этом он верно указал главный датирующий признак, которым обладают башни – это бойницы для ведения ружейной стрельбы. Башни с такими бойницами, а следовательно, и время распространения огнестрельного оружия на Кавказе исследователь отнѐс к XVI в. И хотя Пфаф не приводит для своей датировки должной аргументации, дальнейшие исследования подтвердили его правоту.

В 1928 г. И. П. Щеблыкин в одной из своих работ повторил эту мысль, отметив, что давность башен с небольшими отверстиями для ружей «не заходит дальше изобретения огнестрельного оружия» [36, с. 12], однако без каких-либо конкретных хронологических указаний.

Известный кавказовед Е. И. Крупнов первоначально относил распространение огнестрельного оружия на Северном Кавказе к XV в., также обосновывая датировку конструктивными особенностями боевых башен: «Известно, что у народов Европы, в том числе и у русских, огнестрельное оружие появилось в XIV в. И уже с XV в. все горцы Северного Кавказа начинают строить трѐх-четырѐхэтажные боевые башни из камня, с учѐтом использования при обороне уже не лука со стрелами, а ружья» [24, с. 131]. Этот пассаж почти без изменений был повторѐн исследователем в предисловии к XXIII тому «Материалов и исследований по археологии СССР» [25, с. 11]. Однако в вышедшей спустя 20 лет монографии «Средневековая Ингушетия» Е. И. Крупнов заметно «упоздняет» прежнюю датировку: «Если у большинства европейских народов, в том числе и у русских, огнестрельное оружие появилось в XIV-XV вв. и стало повсеместно распространяться в XVI в., то в XV-XVI вв., можно полагать, оно могло быть известно и в глухих ущельях Кавказа. Тем более что и в Грузии, по последним исследованиям П. П. Закарая, влияние появления огнестрельного оружия на башенное строительство заметно уже с XVI в.» [26, с. 75]. Если принятое за условную отправную точку появление в Европе и на Руси огнестрельного оружия отнесено первоначально к XIV в., то теперь автор уточняет, что его появление относится к XIV-XV вв., а распространение – к XVI в. Весьма примечательно, что Е. И. Крупнов опирается при этом на исследования П. П. Закарая, выявившие влияние огнестрельного оружия на башенное строительство в Грузии с XVI в., и уже не повторяет свой вывод о строительстве всеми горцами Северного Кавказа башен для ведения огневого боя с XV в.

© Дарчиев А. В., 2014

К сожалению, эта очевидная эволюция взглядов Е. И. Крупнова на проблему появления огнестрельного оружия на Северном Кавказе не всегда учитывается исследователями, продолжающими ссылаться лишь на его «Предисловие», вышедшее в 1951 г.

Известный археолог-кавказовед В. И. Марковин отметил сложность определения времени появления боевых башен, приспособленных для ружейной стрельбы, в виду сложности самого вопроса о появлении огнестрельного оружия на Северном Кавказе. Специальный экскурс в историю вопроса приводит автора к выводу, что более или менее широкое распространение огнестрельного оружия в Европе относится к первой половине XVI в., а в России – к началу XVII в. На Кавказе огнестрельное оружие также появляется довольно поздно, и говорить о его влиянии на фортификацию башенного строительства начиная с XVI в. не приходится [30, с. 261-262].

А. Ф. Гольдштейн, рассматривая вопрос о датировке боевых башен Чечено-Ингушетии, признаѐт, что огнестрельное оружие появляется на Кавказе в XVI в. и становится обычным для этих мест в XVII в. Однако датировать этим периодом боевые башни с узкими бойницами нельзя, поскольку они, по мнению исследователя, почти непригодны для ружейной стрельбы, к тому же и в XVII в. огнестрельное оружие ещѐ не вытеснило лук и стрелы [11, с. 48-49]. В то же время В. А. Кузнецов поддержал выводы Е. И. Крупнова о приспособленности башен для ведения стрельбы из ружей, отметив, что узкие бойницы, вопреки мнению А. Ф. Гольдштейна, вполне пригодны для ведения огневого боя [27, с. 167].

Б. А. Калоев отнѐс появление огнестрельного оружия в Осетии к XVI- XVII вв. Одним из доказательств этого исследователь считал боевые башни с большим количеством бойниц, начало сооружения которых, по мнению Б. А. Калоева, относится к периоду не позже XVI-XVII вв. [21, с. 95].

Л. А. Чибиров полагал, что «сохранившиеся на башнях следы использования огнестрельного оружия не позволяют датировать их позже XIII-XIV вв.» [34, с. 92]. Впоследствии учѐный изменил свою датировку, отнеся строительство этих башен к XVI-XVIII вв. [33, с. 355].

Э. Г. Аствацатурян, автор специального исследования об оружии народов Кавказа, считает, что огнестрельное оружие на Центральном Кавказе распространяется в XVI – начале XVII в., что подтверждается как особенностями архитектуры боевых башен (наличие узких бойниц), датируемых серединой XVI в., так и письменными свидетельствами, упоминающими у «горских людей» (именно – у ингушей) огнестрельное оружие [3, с. 63]. В работах многих других исследователей появление огнестрельного оружия и последующее его влияние на башенное строительство у осетин также относится к XVI-XVII вв. (В. Н. Калинкин [20, с. 68], В. П. Кобычев [2, с. 178-179], В. Х. Тменов [32, с. 103-105], Р. Г. Дзаттиаты [18, с. 38]).

Большое внимание рассматриваемому вопросу уделено в работах историка-оружиеведа А. Б. Багаева. В специальных статьях по данной проблеме исследователь первоначально высказывал мнение о знакомстве осетин с огнестрельным оружием в конце XIV – XV вв. [5, с. 24; 6, с. 114]. Позднее в солидной монографии, посвящѐнной истории военного дела осетин XV-XIX вв., автор приводит новую датировку – «как минимум в конце XV в.» [4, с. 101] или «не позднее конца XV в.» [Там же, с. 163].

Пытаясь установить относительную хронологию появления и распространения огнестрельного оружия у осетин, А. Б. Багаев отмечает, что к западным соседям осетин – кабардинцам – первый образец ружья попал из Дагестана [Там же, с. 96]. «В источниках по истории Дагестана, – пишет далее автор, – имеется сообщение о том, что в XV-XVI вв. кубачинцы, известные на всѐм Кавказе оружейники, платили подать шамхалу Тарковскому по 30 ружей в год (по другой версии – 30 мер пороху). Это свидетельствует о налаженном производстве огнестрельного оружия в XV в. в Дагестане и его использовании в военном деле» [Там же]. Строго говоря, речь идѐт лишь об одном источнике по истории Дагестана, известном под названием «Перечень доходов шамхалов», в котором нет ни одного прямого или косвенного упоминания XV или XVI вв. Известный азербайджанский историк и философ XIX в. А. К. Бакиханов относил его создание к IX или (sic!) X веку хиджры [7, с. 67], что соответствует XV или XVI вв. н.э. (впрочем, составитель исторической записки «Шамхалы Тарковские» считает, что в этом месте рукописи А. К. Бакиханова указаны XVI или XVII вв. [35, с. 55]). А. Б. Багаев, скорее всего, опирается на эту предположительную датировку А. К. Бакиханова, основания которой не ясны, а потому она вызывает сомнение исследователей [3, с. 121].

Датировка «Перечня» представляет собой сложную и не решѐнную до сих пор источниковедческую проблему. В. Г. Гаджиев, посвятивший этому документу специальную статью, констатирует: «К сожалению, в самом источнике нет никаких указаний на время, когда те или иные сведения зафиксированы в документе. Нет у нас и прямых данных, позволяющих ответить на вопрос о времени составления источника» [10, с. 28]. Поэтому «Перечень доходов шамхалов» не может свидетельствовать о налаженном производстве ружей в Дагестане уже в XV в., а следовательно, не может быть и точкой опоры для выработки относительной хронологии появления и распространения огнестрельного оружия в регионе. Отметим, что, по мнению Э. Г. Аствацатурян, началом распространения и производства огнестрельного оружия в Дагестане, как и на всѐм Северо-Западном Кавказе, были XVII и XVIII вв. [3, с. 120]. Известный английский оружиевед Роберт Элгуд относит начало производства огнестрельного оружия в Дагестане ко второй половине XVII в. [37, p. 104].

А. Б. Багаев полагает, что «первым свидетельством в письменных источниках о наличии у осетин ручного огнестрельного оружия является сообщение русских послов, на которых в 1604 г. недалеко от Дарьяльского ущелья напали ―горские люди с вогненым боем”» [4, с. 95]. Речь идѐт о сообщении в статейном списке посольства Михаила Татищева и Андрея Иванова в Грузию в 1604-1605 гг., где не только описываются место и обстоятельства нападения на посольство «горских людей», но также имеются сведения, позволяющие определить этническую принадлежность нападавших: «Пошли мы, холопи твои, к Сонской земле от Ларсова кабака августа в 3 ден. И приходили, государь, на нас на первом стану в ночи горские люди с вогненым боем; а у нас, государь, для береженья была заставка и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и с ними бились,

и с пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих у них переранили. А Сонские, государь, люди, которые к нам встречу приехали для мостов, сказывали, что те люди приходили из гор Калканцы» [8, с. 456]. Как известно, калканцами в русских источниках XVI-XVII вв. называли ингушей (от самоназвания ингушей «галгай»), и именно с ними исследователи связывают горских людей калканцев, нападению которых в 1604 г. подверглось русское посольство М. Татищева и А. Иванова [9, с. 154-155; 29, с. 65-66]. Следовательно, эпизод, где упоминаются горские люди калканцы «с вогненым боем», является свидетельством о наличии огнестрельного оружия не у осетин, а у ингушей («калканцев»), что, собственно говоря, уже отмечалось Э. Г. Аствацатурян [3, с. 63].

В монографии А. Б. Багаева изрядная доля критики адресована Б. А. Калоеву, датировавшему появление огнестрельного оружия в Осетии периодом XVI – нач. XVII вв. Аргументам Б. А. Калоева противопоставляются следующие доводы. «Е. А. Крупнов, – пишет автор, – на основе обширных археологических материалов богатых погребальных комплексов из Махческа говорит, что продукция из западноевропейских и восточных производственных центров поступала на Северный Кавказ, и в Осетию в частности, в XIV-XV вв. Поэтому не исключено, что среди товаров, поступавших на северокавказский рынок, могло быть и огнестрельное оружие» [4, с. 97]. Следует, однако, заметить, что, по мнению Е. И. Крупнова, огнестрельное оружие на Северном Кавказе появляется определѐнно позже XIV в. [26, с. 75]. Согласно Е. И. Крупнову, в Европе и на Руси огнестрельное оружие появилось в XIV-XV вв. и только в XVI в. стало повсеместно распространяться. Исходя из этого, учѐный высказал довольно осторожное предположение, что «в XV-XVI вв., можно полагать, оно могло быть известно и в глухих ущельях Кавказа» [Там же]. Иными словами, Е. И Крупнов временем знакомства горцев Северного Кавказа с огнестрельным оружием считал не XIV-XV вв., а XV-XVI вв.

Далее А. Б. Багаев, возражая Б. А. Калоеву, отмечает, что строительство боевых башен с бойницами для ружейной стрельбы относится не к XVI – началу XVII в., а к XV в., как об этом пишут Г. А. Кокиев, Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов и др. [4, с. 97; 6, с. 111]. Однако ссылка на Г. А. Кокиева, очевидно, является недоразумением: в указанной работе Г. А. Кокиев ничего не говорит ни о башнях с бойницами для ружейного боя, ни о начале их строительства в XV в. В том месте, на которое ссылается А. Б. Багаев, речь идѐт о боевых башнях как таковых, без учѐта фортификационных особенностей (т.е. бойниц для ружей), и появление этих боевых башен учѐный отнѐс не к XV, а к XIV веку: «Осетинские башни до сих пор не датированы, но не так далеко будем мы от истины, если скажем, что они стали возникать с того момента, когда осетинский народ окончательно был вытеснен из северо-кавказской равнины и заперт в горных ущельях кабардинцами, пришедшими со стороны Крыма в XIV веке. <…> В эту бурную эпоху для охраны подступов к ущельям и вообще своих пределов осетины воздвигали боевые башни на важных в стратегическом отношении пунктах. Таким образом, боевые башни осетин северного нагорья относятся к XIV веку» [23, с. 65]. Интересно отметить, что в вышедшей через семь лет статье, специально посвящѐнной боевым башням Осетии, Г. А. Кокиев и вовсе не затрагивает вопрос об их датировке [22].

Что касается ссылки на Е. И. Крупнова, то здесь А. Б. Багаев опирается лишь на высказанное им мнение в «Предисловие» 1951 года, но упускает из виду его вышедшую спустя 20 лет монографию, в которой учѐный воздержался от тезиса о строительстве всеми горцами башен с бойницами для огневого боя с XV в. Вместо этого Е. И. Крупнов ссылается на выводы П. П. Закарая о влиянии огнестрельного оружия на башенное строительство Грузии начиная с XVI в. Строго говоря, и В. А. Кузнецов поддерживал датировку башен с ружейными бойницами не XV в., а начиная с XV-XVI вв. [27, с. 167]. Кроме того, в одной из недавних работ учѐный высказал мнение о том, что в конце XV – начале XVI в. произошло лишь первое знакомство осетин с огнестрельным оружием (см. ниже).

А. Б. Багаев приводит лингвистические аргументы, которые, по его мнению, позволяют усомниться в датировке Б. А. Калоева: «И наконец, если огнестрельное оружие к осетинам попадает в XVI в., то среди терминов, связанных с ним, должны были быть какие-то адыгские (с конца XV-XVI в. выходы из осетинских ущелий занимали кабардинцы, и ружья должны были попадать к осетинам через их посредство). Между тем этого не наблюдается, все термины: ружьѐ, пистолет, пуля, порох, газырь, пороховница, натруска, курок и т. д. – тюркского или собственно осетинского происхождения» [4, с. 97-98]. Однако справедливость данного утверждения сомнительна. Те или иные названия огнестрельного оружия и его принадлежностей, возможно, могли, но необязательно должны были происходить из языка посредников, поставлявших его осетинам. Так, например, осетинское название пистолета *дамбаца* имеет тюркское происхождение [1, т. I, с. 343], хотя, по утверждению А. Б. Багаева, этот вид оружия попал к осетинам из Грузии [4, с. 107]. Заметим, что, упоминая пистолет в списке терминов, подтверждающих проникновение огнестрельного оружия к осетинам в период до XVI в., автор противоречит самому себе, поскольку в другом месте высказывает мнение о довольно позднем, в начале XIX в., появлении пистолетов в комплексе вооружения осетин [Там же]. Термин *пилта* «фитиль» персидского происхождения [1, т. II, с. 241], но, по мнению А. Б. Багаева, к осетинам попал через грузинское посредство и в юго-осетинских говорах являлся эквивалентом старинного ружья [4, с. 101]. Сюда же следует добавить осетинское *сармадзан* «пушка», имеющее, согласно В. И. Абаеву, тюркское происхождение, но заимствованное из грузинского [1, т. III, с. 35-36], а также осетинское *хъатара* «патронташ» – термин арабского происхождения, попавший к осетинам, возможно, через посредство дагестанских языков [Там же, т. II, с. 270].

Приведѐнные примеры показывают, что посредники могли передавать не только оружие, но и его названия, заимствованные самими посредниками (очевидно, из языка народа, производившего данное оружие). Поэтому нельзя полностью исключать возможность того, что тюркское название огнестрельного оружия *top* могло попасть к осетинам и от кабардинцев. Здесь необходимо отметить один немаловажный факт: у кабардинцев также фиксируется термин *top* в значении «пушка» [Там же, т. III, с. 304]. Значение «пушка» удержалось и в осетинском *топпдзы* «пушкарь» [Там же], а кроме того, А. Б. Багаев приводит интересные сведения анонимного автора первой трети XIX в., согласно которым осетины называли пушку «старым ружьѐм» [4, с. 99].

Ещѐ более важен другой вывод, с неизбежностью вытекающий из приведѐнных выше лингвистических примеров: к осетинам, уже запертым в горных ущельях, огнестрельное оружие могло поступать не только и даже не столько через кабардинское посредство, сколько через Грузию, где появление башенных построек с бойницами для стрельбы из ружей прослеживается с XVI в. [19, с. 28-32].

В недавней статье о происхождении сословия дигорских феодалов баделят В. А. Кузнецов предложил интересную гипотезу, имеющую отношение к нашему вопросу. Уже упоминавшиеся погребения в Махческе исследователь датирует концом XV – началом XVI в. Опираясь на их давно отмеченную близость с Белореченским могильником, оставленным адыгскими племенами, учѐный высказывает мнение о принадлежности Махческих погребений кабардинским переселенцам. Миграция представителей кабардинского этноса в горы Осетии, по мнению В. А. Кузнецова, нашла отражение в осетинских преданиях о Баделе, пришедшем в Дигорию из Маджара. Крупнейший золотоордынский город Северного Кавказа Маджар был разгромлен Тимуром в 1395 г., однако, как полагает В. А. Кузнецов, жизнь в Маджаре восстановилась, и он продолжал функционировать как основной рынок Северного Кавказа. Согласно преданию, Бадел пришѐл в Дигорию с ружьѐм, которого жители ущелья до его прихода не знали. Следовательно, их первое знакомство с огнестрельным оружием произошло, вероятно, в конце XV – начале XVI в. [28, с. 103-105]. В таком случае распространение огнестрельного оружия и его влияние на башенную архитектуру Осетии, очевидно, следует отнести к более позднему периоду – XVI-XVII вв.

Резюмируя всѐ вышесказанное, приходим к следующим выводам.

В истории изучения рассматриваемого вопроса основополагающее значение имело высказанное ещѐ в последней трети XIX в. мнение В. Б. Пфафа о влиянии огнестрельного оружия на фортификационные особенности башенной архитектуры. С теми или иными отличиями в датировке все последующие решения по сути лишь развивали эту идею В. Б. Пфафа.

Существовавшая в середине прошлого века и отстаиваемая до сих пор некоторыми исследователями версия о появлении у осетин огнестрельного оружия в XIV-XV вв. и его распространении в XV веке не имеет достаточных оснований.

Данные письменных и археологических источников, сопоставляемые с материалами осетинского фольклора, позволяют более уверенно говорить о знакомстве осетин с огнестрельным оружием на рубеже XV-XVI вв. и его последующем распространении в XVI-XVII вв., повлиявшем на башенную архитектуру Осетии.

Список литературы

1. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. I. 656 с.; Л.: Наука, 1973. Т. II. 448 с.; Л.: Наука, 1979. Т. III. 360 с.; Л.: Наука, 1989. Т. IV. 326 с.
2. **Арутюнов С. А., Сергеева Г. А., Кобычев В. П.** Народы Кавказа. Материальная культура. Пища и жилище. М., 1995. Кн. 4. 292 с.
3. **Аствацатурян Э. Г.** Оружие народов Кавказа. М. – Нальчик: Хоббикнига; Эль-Фа, 1995. 192 с.
4. **Багаев А. Б.** Военное дело осетин XV-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 215 с.
5. **Багаев А. Б.** К вопросу о появлении огнестрельного оружия в Осетии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 118. С. 21-25.
6. **Багаев А. Б.** Появление ружья в комплексе вооружения осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых учѐных. Владикавказ, 2010. Вып. 4. С. 109-115.
7. **Бакиханов А. К.** Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
8. **Белогуров С. А.** Сношения России с Кавказом: материалы, извлечѐнные из Московского Главного архива министерства иностранных дел: 1578-1613. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1. 584 с.
9. **Волкова Н. Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.
10. **Гаджиев В. Г.** Перечень доходов шамхалов: опыт источниковедческого анализа // Источниковедение истории досоветского Дагестана: сб. статей. Махачкала, 1987. С. 25-37.
11. **Гольдштейн А. Ф.** Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. 157 с.
12. **Дауева Т. Т.** Конфликты, связанные с заключением брака, и способы их разрешения в традиционном осетинском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. Ч. I. С. 61-65.
13. **Дауева Т. Т.** Конфликты, связанные с ранениями, и способы их разрешения в традиционном осетинском обществе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: www.science-education.ru/111-10289 (дата обращения: 06.05.2014).
14. **Дзагоева Э. П.** Гендерное распределение трудовых функций в традиционной осетинской семье // Известия СОИГСИ. Школа молодых учѐных. Владикавказ, 2012. Т. 8. С. 163-169.
15. **Дзагоева Э. П.** Женское пространство в хозяйстве традиционной осетинской семьи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37). Ч. 2. С. 59-62.
16. **Дзагоева Э. П.** Образ женщины в малых жанрах осетинского фольклора (этнографический аспект) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: www.science-education.ru/111-10194 (дата обращения: 08.05.2014).
17. **Дзалаева К. Р.** Трансформация традиционной повседневности осетин в процессе российско-осетинского культурного взаимодействия (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9. Ч. II. С. 57-60.
18. **Дзаттиаты Р. Г.** Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 432 с.
19. **Закарая П. П.** Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мерани, 1969. 280 с.
20. **Калинкин В. Н.** К вопросу о классификации и датировке сохранившихся боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием в Чечено-Ингушетии // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 58-73.

21. Калоев Б. А. Осетины: историко-этнографическое исследование. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1971. 358 с.
22. Кокиев Г. А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // Известия Юго-Осетинского НИИ. Сталинир: Государственное издательство Юго-Осетии, 1935. Вып. II. С. 217-234.
23. Кокиев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии: историко-этнологический очерк. Владикавказ: Растдзинад, 1928. 74 с.
24. Крупнов Е. И. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным // Учѐные записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1947. Т. II. С. 113-132.
25. Крупнов Е. И. Предисловие к XXIII тому // Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л., 1951. Т. XXIII. С. 3-11.
26. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. 206 с.
27. Кузнецов В. А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М.: Наука, 1980. С. 162-177.
28. Кузнецов В. А. Археологические данные о происхождении дигорских баделят // Археология и этнология Северного Кавказа: сборник научных трудов. Нальчик: Издательский отдел КБГИ, 2012. Вып. 1. С. 99-109.
29. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 372 с.
30. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957-1967 гг.) // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М.: Наука, 1980. С. 184-270.
31. Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин // ССКГ. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1871. Вып. V. Отд. I. С. 1-100.
32. Тменов В. Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1995. 437 с.
33. Чибиров Л. А. Мæсыг // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. С. 353-356.
34. Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали: Иристон, 1970. 223 с.
35. Шамхалы Тарковские (историческая записка, составленная Временною Комиссиею, наряженною для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шуринского округа) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказа, 1868. Вып. 1. С. 53-80.
36. Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928. 30 с.
37. Elgood R. Firearms of the Islamic world in the Tareq Rajab Museum, Kuwait. London – N. Y.: I. B. Tauris, 1995. 240 p.

ISSUE OF APPEARANCE TIME OF FIREARMS AMONG THE OSSETIANS IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Darchiev Anzor Valer'evich, Ph. D. in History
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
dar-anzor@yandex.ru

In the article the history of the issue study of firearms appearance in the Ossetians' complex of armament is considered. Historiographical analysis shows that the version about firearms use by the Ossetians already in the XIV-XV centuries does not have reliable evidence in sources. The opinion of the researchers, who date the first acquaintance of the Ossetians with firearms to the turn of the XV-XVI centuries and its wide spread, which influenced the tower architecture of Ossetia, – to the XVI-XVII centuries, seems to be more grounded.

Key words and phrases: the Ossetians; firearms; fighting towers; gun loopholes; gun; historiography.

УДК 347.718
Юридические науки

В статье описываются основные условия, при которых зародились и упорядочивались торговые отношения между первыми африканскими государственными образованиями и остальным миром. Отражаются механизм торгового оборота до начала процесса колонизации, его субъекты и дается характеристика применяемых валютных средств. Статья завершается презентацией процесса учреждения новой юридической организации, призванной создать привлекательное для инвесторов правовое поле регулирования экономической деятельности Западно-Африканского пространства.

Ключевые слова и фразы: торговые отношения; правовое регулирование торговли; бассейн реки Нигер; гармонизация права; ОХАДА.

Диамбу Бубакар
Кубанский государственный университет
bdiambou@yahoo.fr

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ В БАССЕЙНЕ РЕКИ НИГЕР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ©

Бассейн реки Нигер является зоной с давними торговыми традициями, формирование которых началось в эпоху раннего Средневековья [6, p. 227-233; 15, p. 1]. Сведения о начальном периоде развития торговых

© Диамбу Бубакар, 2014